

Война разрасталась. Даже отдаленные деревни ее не избежали.

Скорбь из-за потери императора стала слабее, поскольку облако завоевания Хэ Ся зависло над обычными людьми, жившими день за днем.

– Объявляю, что принц-консорт Юнь Чана издал указ. Жители во всех деревнях будут подсчитаны, и каждый человек обязан сдать три мешка зерна. Все должно быть выплачено полностью через два дня без промедления.

Собравшиеся деревенские жители начали паниковать.

– Три мешка на человека, тогда как мы продержимся до зимы?

– Он не хочет, чтобы мы жили!

– Мэр, – кто-то схватил пожилого мэра, только что закончившего читать указ и воскликнул: – Ты знаешь повседневную жизнь моей семьи. Моя жена больна, поэтому все зерно было обменено на лекарства. Я не могу дать даже один мешок, не говоря уже о трех.

Мэр тоже нахмурился и понизил голос:

– Что я могу поделать? Несколько детей в моей семье тоже считаются, и я не меньше вашего расстроен из-за зерна. Сяо Ло, мы должны заплатить или нам придет конец, потому что это дань для армии. Если хоть немного припозднимся, они заберут наши жизни. Солдаты Юнь Чана убивают, не моргнув и глазом.

Глаза Сяо Ло казалось стали покалывать. Он потер их и упал наземь:

– Когда наш император все еще был жив, нам никогда не требовалось платить по три мешка зерна за раз. Хэ Ся, хмф, почему, черт возьми, Хэ Ся захватил наш Бэй Мо?

– Ты ценишь свою жизнь и смеешь упоминать императора? – мэр с тревогой осмотрелся вокруг, после этого, приглушив бормотание рваным рукавом, предупредил: – Просто будь послушен. Мы даже не знаем, куда бежал генерал Жо Хань, поэтому не пытайся переоценить себя, хорошо?

В то время пока он говорил, раздался неистовый стук копыт, и толпа дернулась от испуга. Все

головы повернулись, чтобы посмотреть на окраину деревни. Они увидели, флаг солдат Юнь Чана вздымающийся перед ними.

- Что случилось? Что-то не так?

Солдаты достигли входа в деревню и остановили лошадей. Сельские жители подняли глаза, на мгновение ослепленные сверкавшими на солнце мечами.

- Кто за вас отвечает? – тот, кто скакал впереди, оглядел мэра: – Вы уже знаете о приказе принца-консорта насчет зерна?

- Да, да, он был прочитан.

- Кто-нибудь возражал?

- Нет, нет. Мы все хорошие крестьяне.

- Хорошо, – капитан хмыкнул и выдал следующие слова: – Вам, людям Бэй Мо, полагается быть рабами нашей армии Юнь Чана, но принц-консорт помиловал вас, позволив снабжать армию ресурсами. Вы должны усердно выращивать зерновые культуры и следить за лошадьми. Принц-консорт также выпустил пограничные циркуляры. С этого момента, если в деревне обнаружат каких-нибудь посторонних, люди должны будут немедленно сообщить о них. Если вы посмеете скрывать их, не сообщая нам, деревня будет уничтожена как восставшая. Все ясно?

Мэр был очень напуган. Он поспешно кивнул, заставив себя улыбнуться:

- Да, да, все ясно. Мы все хорошие крестьяне, хорошие крестьяне.

Этот капитан заметив, что тот испуган до дрожи, не сдержал презрительный смешок.

- Хорошие крестьяне? В деревне Цзяокоу в пятидесяти милях отсюда говорили, что они тоже хорошие крестьяне, но сами скрывали нескольких солдат оставшихся от армии Бэй Мо. Вся деревня в сто семнадцать человек была нами казнена. Хмм, считаю, мы должны повесить парочку окровавленных голов, чтобы вы поняли, что значит – настоящие хорошие крестьяне. Вперед, братья мои.

Сяо Ло внезапно рухнул наземь и, схватившись руками за голову, заплакал.

- Сяо Ло, из-за чего ты плачешь?

- Не спрашивай, - вздохнули несколько очевидцев: - Его сестра вышла замуж в деревню Цзяокоу.

Все скорбели.

Страна пала.

Жизнь и смерть не были выбором, а лишь вопросом стерпеть страдания.

А-Хань прошел мимо забора широкими мощными шагами, направляясь прямо к каменному стулу во дворе и окликнул Цзэ Иня:

- Брат, все плохо. Я не могу больше этого терпеть. Я хочу стать солдатом и пойти воевать, что за ублюдок этот Хэ Ся! Что это за жизнь? Такая куча зерна, где, черт возьми, мы сможем взять столько зерна? Если все, что нужно, это держать солдат в живых, то, как насчет моей женщины и ребенка?

- А-Хань, сначала заткнись. Не напрашивайся на неприятности, - Ян Фэн поспешила из дома и, печально посмотрев на А-Ханя, понизила голос: - Хэ Ся отправил свой указ. Человек награждается пятьюдесятью двумя золотыми монетами за каждого обнаруженного мятежника. Будь более осторожен, или люди сообщат о тебе из-за твоих громких криков.

- Зерно забрали, дом разграблен, и даже куры исчезли. Чего там бояться? - А-Хань покачал головой: - Я не боюсь смерти.

- А твоя жена и ребенок?

- Я... - шея А-Ханя напряглась. Его плечи, наконец, поникли. - Какая польза от жизни? Они делают наше существование невозможным... - его голос поплыл.

На двор нахлынула давящая тишина. Цзэ Инь молчал, тихо вытирая мотыгу в руке. Она была не похожа на мотыгу, но больше на меч, драгоценный меч, который когда-то висел на талии главнокомандующего.

Вэй Тин, не сдержавшись, подошел и понизил голос:

- Если так пойдет, нас загонят до смерти. Почему бы и не...

- Почему бы нам не что? Армия Бэй Мо проиграла, кто еще может победить армию Хэ Ся?

– Не говори мне, что хочешь стать военнопленным, и пусть твои сыновья и внуки несут позор? – Вэй Тин сделал свои слова максимально жесткими, еще больше понизив голос. – Со своей славой генерала, если вы спуститесь сейчас с горы, то сможете собрать многих одним призывом.

Слова Вэй Тина, казалось, пробудили кое-какие старые стремления. Глаза Цзэ Иня внезапно стали ярче. Он дважды вздрогнул, его лицо напряглось. Изменение было временным, и постепенно угасло, как падающая звезда.

Если бы ему пришлось спуститься, он действительно смог бы собрать нескольких горячих граждан Бэй Мо. Однако всего пары отрядов было недостаточно, чтобы угрожать армии Хэ Ся.

Он сражался не против кого-то иного, а против Хэ Ся.

Он был свидетелем силы Чу Бэй Цзэ и знал, что слава Хэ Ся была равна ему. Шансов на победу не было, даже если бы их военная мощь была равна.

Не говоря уже о том, что разрыв между армиями был слишком велик.

Это будет бойня. Он оказался бы на месте тех крестьян Бэй Мо, выразивших недовольство угнетением и резней. Это привело бы к еще большему запустению, чем бойня в битве при Чжоуцзине.

– Генерал...

– Не говори больше, – Цзэ Инь положил мотыгу. – Возьми воду и еду приготовленную Ян Фэн, пора идти на поля.

Сообщение донеслось до самых отдаленных деревень за темными облаками, распространяясь с испуганными глазами и шепотом.

Единственный брат императора, герцог Чжун-Тань, созвал сбежавших солдат Бэй Мо, чтобы собрать армию и сразиться с Хэ Ся. Менее чем через десять дней собралось тридцать тысяч человек. Армия добровольцев была побеждена генералами Хэ Ся в тридцати милях от столицы, а герцог Чжун-Тань был пойман живым. Его пытали и, приговорив к смерти, порубили на куски.

Отступающая армия Дун Линя собрала все свои войска и снова вступила в битву с Юнь Чаном, пойдя против Хэ Ся с большими силами. Хэ Ся, однако, использовал хитрые трюки, разместив засаду в долине. Армия Дун Линя снова проиграла и понесла множество потерь. Их трупы были повсюду, а кровь окрасила реку Фучжу в Дун Линя.

Туча опасности теперь нависла над Гуй Лэ. Армия Юнь Чана приближалась к столице Гуй Лэ, и

испуганный император Гуй Лэ, готов был сдаться. Лэ Чжэнь, всегда следивший за императором Гуй Лэ, заметил, что ситуация стала плохой. Он быстро повел армию навстречу армии Юнь Чана, направлявшейся к границам Гуй Лэ.

Сообщение за сообщением несли победы Хэ Ся и славу армии Юнь Чана. Благодаря огромному давлению, приносимых ими, возросшее сокрушительное давление потребностей армии в ресурсах пало на крестьян побежденных стран.

Сначала они требовали зерно, но теперь каждая семья должна была поставить три фунта железа, чтобы армия имела сырье для создания необходимого оружия.

Рынок был в упадке, дверь железного магазина была плотно закрыта.

Жители деревни сильно переживали.

– Пятнадцать фунтов железа. Не говорите, что они хотят, чтобы мы отказались от наших кухонных горшков. Я отказываюсь!

– Отказываешься. Хочешь оказаться на месте Сяо Ло?

Самый бедный человек в деревне Сяо Ло не смог предоставить зерно, поэтому его костлявая голова была высоко поднята в деревне. Его больная жена завязала петлю на следующий день, покончив жизнь самоубийством, через повешение.

– Если мы отдадим им свои горшки, тогда как мы будем готовить?

– Ты хочешь свою жизнь или горшки?

– Даже если мы отдадим горшки, этого будет недостаточно.

Пожелтевшие глаза пожилого мэра наблюдали за его односельчанами, которых он знал так много лет. Его рот медленно дрогнул:

– Вы еще должны отдать мотыги...

– Как может Хэ Ся... быть настолько чрезмерным?

– У него в руках армия.

– А что насчет армии Бэй Мо?

- Побеждена. Никто не может победить Хэ Ся.

- Почему никто не может победить его в таком огромном мире? Разве это справедливо?

- Я слышал, что есть один... - всплыла фраза среди толпы.

Их опустошенные глаза внезапно расширились, когда их взгляды метнулись к тому, кто заговорил.

- Кто?

Сельские жители слышали только обрывки слухов. Подумав, он ответил:

- Думаю, это герцог Бэй, Чу как-то там, может быть...

- Тогда где он?

- Об этом... я ничего не знаю...

Люди были разочарованы. Их глаза мгновенно погасли. Независимо от того, сидели ли они на корточках или прислонялись к стене, каждый молчал.

Требуют три фунта железа. А что насчет завтра?

Разбитые горшки и старые мотыги оказались, в конце концов, достаточно железными, чтобы вручить солдатам. Солнечный свет, казалось, не обращал внимания на гнев и депрессию. Он просто продолжал счастливо сиять на землю.

Цзэ Инь был в поле и вспотел, поднимая и опуская мотыгу. Это была единственная мотыга, оставшаяся в доме.

Император умер, страна рухнула.

Солдаты приходили и уходили, разъезжая там, где им нравилось, и разрушая его упорное земледелие. Казалось, что сердце Цзэ Иня было придавлено валуном. Он давил на его сердце, сокрушая, пока оно не стало кровоточить.

Он когда-то был главнокомандующим и обладал самой большой военной силой в Бэй Мо. Вел армию с высоким боевым духом и поклялся защищать императора своей страны и ее жителей.

Но теперь император умер, а чужие лошади топтали крестьян.

Если бы его противником был не Хэ Ся, если бы ему не приходилось беспокоиться о своей жене и ребенке, остался бы он здесь, молча размахивая мотыгой, позволяя этим жестоким солдатам отбирать его с трудом заработанные плоды?

Ян Фэн смотрела на него каждую ночь обеспокоенными глазами. Только когда Цзэ Инь наблюдал за Цин'эром и Чан Сяо – двумя детьми, не знавшими грусти, только радость, валун на его сердце становился немного легче.

Но когда он отворачивался, валун давил так тяжело, что почти душил его.

– Брат! Брат!

Цзэ Инь поднял голову, пот размером с бобы выступил по всему его лицу. А-Хань задыхаясь, спешил по короткому пути.

– Брат, брат, это ужасно! Брат Вэй был пойман солдатами!

Цзэ Инь напрягся. Он бросил мотыгу и побежал к нему:

– Где он?

– Он сейчас за деревней на склоне холма, рядом с краем большого луга.

Не дожидаясь окончания слов А-Ханя, Цзэ Инь направился ко входу в деревню.

Вэй Тин, он знал Вэй Тина.

Тот был сварливым человеком, в прошлом не обращавшим внимание даже на лицо своего начальства. Он только знал, как напасть, сжать зубы и драться. Его вспыльчивый нрав был упрямым. Цзэ Инь преднамеренно попросил его пойти на луг, чтобы он не мог услышать все указы Хэ Ся, служившие смертным приговором крестьянам. Почему он столкнулся с солдатами Юнь Чана?

Цзэ Инь безумно побежал весь путь до склонов, пока его зрачки не сжались при открывшемся виде. Трава вокруг была смята, будто куча народа топталась по ней. На ней остались ярко-красные пятна крови, тянувшиеся к другой стороне холма.

– Вэй Тин! – воскликнул Цзэ Инь, идя в ту сторону.

Вэй Тин лежал на склоне, казалось, он скатился вниз, судя по кровавому следу на траве. Цзэ Инь бросился вперед, встал на одно колено и помог ему подняться.

– Вэй Тин, как дела?

– Они... они... – глаза и лицо Вэй Тина были опухшими, а раны на теле сочились кровью. Это были либо меч, либо копья. – ... украли лошадей... и... овец... я...

– Не говори, не двигайся, – Цзэ Инь понизил голос: – Я все понимаю.

Ян Фэн и Пин Тин были потрясены, когда Цзэ Инь принес назад Вэй Тина. Няня поспешно отвела двух детей в другую комнату, в то время как две женщины разделили работу, чтобы перебинтовать раны Вэй Тина.

– Лошадь и овцы... все...

– Не говори больше, – велел все еще пытавшемуся говорить Вэй Тину нежный голос Ян Фэн,. Она вздохнула: – С кражей вещей все в порядке, но нужно ли избивать его так?

Цзэ Инь ответил:

– Повезло ещё, что он до сих пор жив.

Вэй Тин жил в той же уединенной резиденции и был словно часть семьи. Как только раны Вэй Тина были должным образом перевязаны, они оставили его отдыхать на кровати. Все вышли из комнаты, каждый погружившийся в свои мысли. Ян Фэн сварила миску каши для Вэй Тина. Поскольку зерна осталось немного, остальные ели на ужин сладкий картофель.

После напряженного дня наконец-то наступило время отдыха. Ян Фэн лежала на кровати, но совершенно не могла заснуть. Она посмотрела на погруженного в глубокий сон Цзэ Иня, прежде чем встать с постели.

Была ранняя осень, и ночной ветер был очень приятным. Она подошла к передней части дома, но мельком увидела во дворе одинокую фигуру, стоящую на ветру.

– Пин Тин?

Пин Тин тут же обернулась.

В лунном свете Ян Фэн могла видеть, вещь, которую та держала в руках. Это был меч – «Божественная душа», обычно висевший на стене, теперь он был в безопасности объятий Пин

Тин.

Ян Фэн подошла к ней.

- Ты тоже не можешь заснуть?

- Неужели этот человек действительно пропал?

Казалось, время объединилось с ореолом лунного света. Под ореолом возникло лицо, такое же, но все же другое.

Героическое, жесткое, властное, гордое...

Во время атаки на Гуй Лэ, одной его тактики было достаточно, чтобы разрушить дом Цзин-Ань со столетней историей. При нападении на Бэй Мо всего трех его ходов хватило, чтобы разрушить сердца генералов Бэй Мо. Всякий раз, когда они слышали его имя, они страдали от кошмаров. Когда он напал на Юнь Чан, он потряс всю страну от принцессы до последнего крестьянина. Все без исключения были в страхе.

Герцог Дун Линя Чжэнь-Бэй, Чу Бэй Цзэ.

Он был наследником престола Дун Линя, уважаемым, широко известным генералом. Каждый из монархов глубоко боялся его, но все его следы исчезли, когда армия Юнь Чана начала отравлять мир.

- Пин Тин, ты больше понимаешь в этих вещах, чем я. Я просто хочу знать, есть ли кто-нибудь, кто мог бы остановить Хэ Ся.

- Мастер... фух, Хэ Ся... - Пин Тин глубоко вздохнула и горько улыбнулась. - Боюсь, есть вероятность что, только один человек сможет остановить его, и ты понимаешь, кто это. Ян Фэн, думаешь, я должна...

- Нет! - Ян Фэн решительно прервала слова Пин Тин. Ее лицо было встревожено. Она безостановочно качала головой, словно переживала самый болезненный кошмар, который когда-либо испытывала в своей жизни. Прошло довольно много времени, прежде чем она смогла успокоиться. Она грустно опустила голову и сказала: - Не спрашивай меня. Чем это отличается от того дня, когда опасность нависла над Каньбу? Однажды я ошиблась. Я не должна повторять ту же ошибку во второй раз. Пин Тин, я поклялась, что, несмотря ни на что, я никогда не попрошу тебя покинуть горы. Не говоря уже о том, что он пропал уже давно. Даже если ты уйдешь, куда ты отправишься, чтобы найти его?

Пин Тин молча слушала в течение долгого времени. Она вцепилась в «Божественную душу» и вернулась внутрь. Чан Сяо лежал в колыбели и крепко спал. Лунный свет, мягко рассеиваясь

по его маленькому лицу, обрисовывал контуры его красивых черт, той же формы, что и у его отца.

Пин Тин понаблюдав за своим сыном, улыбнулась и пробормотала:

– Чан Сяо, Чан Сяо, ты знаешь, почему я назвала тебя Чан Сяо? Я надеялась, что твое маленькое лицо всегда будет улыбаться, и что ты будешь сталкиваться с вещами, которые заставят тебя улыбаться каждый день.

– Дорогой сын, я очень надеюсь, что ты не влюбишься в умную женщину. Женщины, которые слишком умны, всегда будут совершать глупые ошибки. Как только ваши сердца будут связаны, вы никогда не сможете этого отменить. Если она не будет любить тебя, ты будешь расстроен, если она будет слишком тебя любить, вы оба потеряете рассудок.

Юнь Чан, город Цежоу.

– Ты соврал!

– О чем я соврал?

– Ты сказал, что сообщишь моему учителю. Фань Лу, ты, лжец!

Фань Лу легко схватил похожую на нефрит руку Цзуй Цзюй, собиравшуюся ударить его в грудь и нахмурился:

– Сколько раз я должен повторять, пока ты не поймешь? Дун Линь сейчас похож на грязную кашу, повсюду воюют солдаты и бегут крестьяне. Даже местонахождение императрицы Дун Линя неизвестно. Гонец не смог найти и следа твоего учителя. А ты все еще бьешь меня? Ты все еще смеешь бить меня? Ой, я буду отбиваться!

В последнее время его жизнь была не слишком хорошей. После смерти премьер-министра, чиновники со стороны Хэ Ся начали придирались по пустякам ко всем солдатам, ранг которых был повышен премьер-министром.

То учетные записи не сходились. В другой раз отчет был написан недостаточно четко. Было очевидно, что они пытались придраться к нему – губернатору города.

Здесь же, из-за того что Цзуй Цзюй узнала о беспорядках в Дун Лине, ее заботы были безграничны и она безостановочно кричала.

- Лжец! - теперь оба запястья Цзуй Цзюй были пойманы, поэтому она могла только смотреть на него вороново-черными глазами.

- Когда я лгал тебе? - огрызнулся Фань Лу.

- А когда ты говорил мне правду?

Фань Лу был недоволен, его лицо потемнело:

- Конечно, я говорил тебе правду раньше.

Запястьям Цзуй Цзюй было неудобно, но ее сопротивление не позволило освободить их. Ее лицо вспыхнуло от гнева, когда она подняла глаза, чтобы спросить:

- Правду? Хм, когда это было?

Фань Лу тщательно подумал и ответил:

- Когда я впервые говорил с тобой, я сказал: «По слухам, ты некрасива, но думаю, что ты не так уж плоха». Да, это определенно верно.

Цзуй Цзюй была этим немного ошеломлена. Румянец, первоначально вызванный гневом, теперь распространился до ее ушей, и вскоре вышел за их пределы. Даже ее шее стало жарко.

Она успокоилась, только поняв, что оказалась почти в объятиях Фань Лу. Девушка прикусила губу:

- Эй, отпусти, - смущенно ответила она.

- Что за «эй»?

Цзуй Цзюй стреляла в него кинжальными взглядами, пока не заметила, что уголки его рта поднимаются. Он, несомненно, подумал о другой идее, и она, если честно, немного боялась, что он не задумал ничего хорошего. Она могла только проглотить свои жалобы, осторожно сказав:

- Пожалуйста, отпустите меня, губернатор.

Прежде чем ослабить хватку, Фань Лу начал ухмыляться, довольный собой. Цзуй Цзюй убрала руки, заметив, что ее запястья покраснели. У этого ненавистного мужчины по-правде было немало сил. Она укоризненно взглянула на него и села на кровать. Размышления об ее учителе

среди всех этих спешащих беженцев, заставляли ее сердце волноваться и болеть, а глаза покраснеть.

Увидев, что ее голова опущена и она молчала, Фань Лу, казалось, потерял интерес дразнить ее, поскольку девушка обычно была весьма живой и безрассудной. Он подошел и сел рядом с ней:

– Я попрошу кого-нибудь отправить твоё письмо снова, и надеюсь, что он найдет твоего учителя.

Цзуй Цзюй сдвинула свое тело:

– Не приближайся ко мне, – её голос был тих, как у комара.

– Что ты сказала? – громко спросил Фань Лу, делая шаг вперед, пока не оказался ближе, чем раньше.

Цзуй Цзюй резко встала и топнула.

– Ты... ты не понимаешь, что для мужчины и женщины неприлично общаться так небрежно?

– Ты, женщина, – Фань Лу встал, став на несколько дюймов выше нее. Его голос был довольно вежливым: – Разве не знаешь, что женщины всегда говорят одно, а хотят другое?

– Кто хочет другое?

– Ты! Когда я приближаюсь, ты реально счастлива, так почему говоришь другое?

– Я... я... – Цзуй Цзюй разозлилась почти до слез, и она безостановочно затопала ногами. – Когда я была счастлива? Я все еще беспокоюсь об учителе, а ты только запугиваешь меня... Я должна была просто позволить тебе умереть в горах Сунсэнь, чтобы волки съели твой желудок и кишки...

Ей еще предстояло закончить, когда огромная фигура уже заполнила ее поле зрения, заставив Цзуй Цзюй настолько оторопеть, что та закрыв глаза, сделала шаг назад. Однако она не ожидала, что ее талию крепко обнимут.

Язык Фань Лу скользнул по ее красным губам, как огонь.

– Ах... – Цзуй Цзюй побледнела. Ее глаза стали круглее, чем когда-либо, когда она сталкивалась с ненавистой усмешкой Фань Лу.

Фань Лу ослабил хватку и улыбнулся:

– Не думай сегодня вечером о своем учителе. Думай обо мне, – он помахал рукой перед глазами застывшей Цзуй Цзюй и ушел, чтобы разобраться со своими документами.

Ян Фэн вошла в комнату. Кровать уже была пуста, и Цзэ Иня больше не было видно. Ее сердце слегка ускорилося. Она на цыпочках ловко вошла в комнату и заглянула внутрь. Цзэ Инь согнувшись в талии, рылся в куче старых вещей.

– Что ты ищешь? – прошептала она.

Цзэ Инь напрягся. Прошло немало времени, прежде чем он обернулся и медленно выпрямил спину. В лунном свете Ян Фэн отчетливо разглядела его глаза.

Эти глаза были полны духа.

Но когда эти глаза проявляли такую живость, это означало, что их обладатель принял очень важное решение.

Решение, которое невозможно было изменить.

Ян Фэн вспомнила, год, когда Цзэ Инь был отправлен императором Бэй Мо в качестве посланника, чтобы проявить уважение Гуй Лэ. Они встретились в резиденции принца Хэ Су. Она сыграла пьесу и протянула свои тонкие руки, чтобы немного приподнять занавес. В тот момент она увидела такое же выражение.

Сердцу Ян Фэн показалось, что его вырвали.

После этого Цзэ Инь объяснил, что решил, даже если он оскорбит весь императорский дом Гуй Лэ, он женится на ней.

Он был не особенно красив, по сравнению с маркизом Цзин-Анем, и к тому же не был романтиком. Но у него были черные, сияющие глаза, будто все встреченное им было замечено, и, будто ничто в мире не могло его поколебать.

– Муж, что ты ищешь? – мягко спросила Ян Фэн еще раз. Ее сердце болело от предчувствий и недоумения, когда она осторожно подошла ближе, чтобы лучше разглядеть лицо Цзэ Иня.

– Я ничего не ищу, – твердое выражение лица Цзэ Иня слегка дрогнуло перед прямым

взглядом Ян Фэн.

Вглядевшись, Ян Фэн заметила, что его грубые руки неосознанно сжались в кулаки. Ян Фэн спокойно наблюдала за ним. Казалось, она проникла в его сердце, нащупав каждую тайну.

Они были мужем и женой в течение нескольких лет. От побега от императора Гуй Лэ в уединение, до спуска с гор ради битвы за Каньбу и возвращения в уединение...

Путь к сегодняшнему дню был очень долгим. Теперь у них был Цин'эр. Когда они принесли клятву всегда жить в уединении, они действительно думали, что смогут ее исполнить.

Одной из них была одним из двух знаменитых исполнителей на цине в Гуй Лэ, другим – главнокомандующий Бэй Мо. Вся их слава была в прошлом. Они думали, что они все бросили, но судьба еще раз сделала поворот.

Только сегодня, после того взаимного любования луной, они поняли все за самый краткий миг, проведенный ими вместе.

– Ящик слева, – ответила Ян Фэн.

– Хм?

– Твой меч, он в ящике слева.

Глядя на свою изящную жену, глаза Цзэ Иня вдруг начало печь.

– Ян Фэн...

Тонкие пальцы приблизились к его рту, остановив. Ян Фэн внимательно оглядела его, будто всей жизни было недостаточно, чтобы насмотреться на него, будто она никогда как следует не смотрела на его лицо.

– Хорошо, что Цин'эр похож на тебя. Его отец... всегда был героем, – Ян Фэн прижалась к теплой груди мужа, пытаясь ощутить его дыхание. Она ожесточила свое сердце, выпрямила спину, прежде чем отвернуться. – Я буду ждать тебя.

Она стиснула зубы и вышла из маленькой комнаты. Она вернулась в спальню и села на кровать. Ее ноги, казалось, больше не смогли найти силы, чтобы двигаться дальше.

Она не устала, а просто сидела в ошеломлении. Она просидела вот так всю ночь, похожая на каменную статую.

Она услышала звук тихих шагов из-за пределов комнаты. Звуки становились все дальше и дальше, каждый шаг тяжело давил на нее, пока их больше невозможно было услышать. Ее мысли постепенно вернулись к нескольким воспоминаниям. Она продолжала сидеть неподвижно, пока луна неторопливо не спустилась с небес, солнце не начало медленно подниматься, а оранжево-красный свет осветил ее лицо, залитое слезами.

– Ян Фэн, пришло время вставать, – Пин Тин открыла занавеску и увидела спину Ян Фэн. Она была на мгновение удивлена, прежде чем повернуться и увидеть пустую кровать. – Где Цзэ Инь? – ее голос внезапно поплыл.

– Он ушел.

– Ушел? – Пин Тин подошла ближе. Выражение Ян Фэн подтвердило ее подозрения. – О боже...
– Пин Тин глубоко вздохнула: – Почему ты его не остановила? Ты заставила его поклясться остаться с тобой в уединенной резиденции? Разве ты не хотела, чтобы он больше не встречал в это?

Ян Фэн повернулась, чтобы посмотреть на нее. Она казалась опустошенной, пока некоторое время изучала Пин Тин. Казалось, она немного пришла в себя и слабо улыбнулась.

– Мне никогда не нравилось, что он участвовал в войнах, убивая, потому что таковы были чужие замыслы. Он сражался за власть, защищая трон, в то время как император Бэй Мо использовал его в качестве орудия для убийства, марионетки с мечом. Но теперь я позволила ему взять меч, потому что он сделал это ради себя, – утренний бриз пронесся у лица Ян Фэн, легко подув на ее мягкую челку. – Это то, что он хотел сделать. Никто не заставлял его, не просил. Это то, что он всем сердцем хотел сделать. Я не должна была его останавливать.

Пин Тин поняла, что ее слова были довольно туманными. Она вздохнула:

– Тогда что насчет тебя и Цин'эра?

– Мы с Цин'эром будем жить нормально. Он будет похож на своего отца, живущего так, как он хочет жить, – Ян Фэн ухмыльнулась Пин Тин. Ее красота была совершенно потрясающей.

Звук смеха послышался извне. Двое детей проснулись. Няня поспешила и обняла одного, чтобы накормить его кашей.

Пин Тин составляла компанию Ян Фэн в течение половины дня, прежде чем спокойно выйти из двери. Солнце начало садиться, а Чан Сяо и Цзэ Цин, кувыркавшиеся в стоге сена, вылезли из него, беспрестанно смеясь.

– Па... папа... – ночью Цзэ Цин напряг шею, чтобы найти знакомую фигуру.

Цзэ Цин обычно кивал, даже когда ничего не понимал. Вскоре он начал рыскать повсюду, желая найти своего спрятавшегося папу. Чан Сяо тоже появился из ниоткуда и начал помогать.

Суровые военные являлись один за другим. Рисовые банки постепенно пустели. Возможно, через десять дней детям нечего будет есть.

Вэй Тин лежал на кровати, и не мог пошевелиться. Когда ему сказали, что Цзэ Инь ушел, он собрал все свои силы, чтобы кивнуть, но больше не произнес ни слова.

Вот так, прошло несколько дней. Поведение армии Юнь Чана внезапно изменилось, и высшее руководство выпустило еще один указ, велевший отслеживать побежденных солдат Бэй Мо. За каждого пойманного выдавалась большая награда, а те, кто их защищал, будут наказаны.

Солдаты носились туда и обратно. Каждый раз, посылая сердца всей деревни в смятение. Все жили в страхе.

Ян Фэн и Пин Тин обе начали беспокоиться о Цзэ Инь.

<http://tl.rulate.ru/book/8939/507158>